

Двадцатилетний Дуань Чанчуань уже успел сделать один шаг вперёд, но возвращаться на прежнее место показалось бы ещё более странным, поэтому ему пришлось с неохотой отступить назад.

Бай Су наблюдала, как юноша, стараясь явно держаться от неё на расстоянии, отступил на полшага, а затем и вовсе застыл на месте, невольно усмехнувшись про себя: неужели этот ребёнок снова мысленно соревнуется сам с собой?

Черты лица юноши были изящными и благородными; даже стоя среди пестрой толпы женщин из знатных семей, он всё равно привлекал к себе всеобщее внимание.

Красив...

Но недоступен.

К тому же лицом точь-в-точь как тот самый кот из её собственного дома.

Мысленно Бай Су вздохнула:

Молча пролив слёзы сочувствия к самой себе, она сдержанно отвела взгляд.

Конечно, это было сделано без всякого умысла, но в глазах Дуань Чанчуаня всё приобрело совершенно иной смысл.

#Когда она подошла, я специально держался на расстоянии от остальных женщин, а она! Взяла и отвернулась!#

#Я ещё не упрекал её в том, что она всего лишь фальшивая побочная дочь, а она посмела воротить от меня нос!#

В душе юноши вспыхнула искра гнева, и он совершенно забыл, что его так называемое «содержание дистанции» в тот момент было просто неосознанным движением.

Время шло, и самые любопытные уже начали украдкой поглядывать наверх, пользуясь тем, что никто не обращает на них внимания.

Все расселись по своим местам:

Внезапно из глубины души накатила глухая усталость...

Юноша собрался с духом, готовясь заговорить.

Тихо позвала его:

— Сынок...

Вдовствующая императрица не удержалась и легко дёрнула Дуань Чанчуаня за рукав.

Впрочем, всё равно уже столько раз спускалось с рук.

В голове настойчиво звучал чей-то голос: «Снова то же самое, всегда одно и то же».

Дуань Чанчуань опустил взгляд на руку, лежавшую на его рукаве.

Голос был тихим — должно быть, она боялась, что их услышат, — и прозвучал у самого её правого уха, когда они оба повернулись.

Если прикинуть на глаз, приведённая им с собой прислуга числом превосходила даже императорскую гвардию в желтых одеждах.

За квадратными столами по обе стороны, на первом месте справа, сидели супруги Бай.

Юноша закрыл глаза и тяжело вздохнул.

В результате все ждали от Императора дежурного разрешения «Встаньте», но обнаружили... сколько ни жди, а сидевший на главном месте юноша хранил полное молчание.

Прошло больше десятка лет, эти руки стали совсем тонкими, а кожа потеряла упругость...

Это были руки его матери.

И на этот раз пусть тоже сойдёт с рук...

Но сегодня, глядя на заполнивший весь зал народ, ему вдруг захотелось свести счёты.

И он молча ещё прямее расправил плечи.

Зал был полон, и только квадратный стол на первом месте слева пустовал.

К подобной картине все уже давно привыкли.

— Раз все знают о своей вине, так пусть стоят на коленях.

Регент уже давно заправлял государственными делами: поначалу он еще старался не перегибать палку, но со временем стал вести себя всё более нагло. В последние годы это особенно бросалось в глаза — он давно уже ни во что не ставил императорские ритуалы и порядки.

Человек в чиновничьем облачении самого высокого ранга произнес это, слегка кивнув в сторону центрального главного места в знак приветствия.

[Ладно уж.]

Он одновременно злился и испытывал жалость, поэтому с тех пор усмирил свой нрав и старался без крайней необходимости не портить отношения с этим человеком.

— Прошу прощения у Вашего Величества, я опоздал.

Лишь когда полдень почти миновал, Регент Дуань Цзинъань неспешно появился в зале, как раз к самому началу пиршества.

За ним следовала целая толпа слуг, которые после входа едва не заполнили всё пространство главного зала.

Он даже не вспомнил, как вчера вечером безжалостно выгнал человека на кушетку в боковой комнате.

Угроза свержения династии — пожалуй, именно так она и выглядела.

Мысленно подумал Дуань Чанчуань.

В другое время Дуань Чанчуань просто закрыл бы на это глаза: всё равно от споров толку не было, они лишь сильнее разжигали конфликт между ними.

А Регент, обычно отличавшийся весьма беспечным нравом, наконец-то почувствовал неладное и исподлобья бросил взгляд на возвышение.

В самом центре главного места сидел Дуань Чанчуань, а по обе стороны от него расположились Вдовствующая императрица и Бай Су.

Впрочем, слова, готовые сорваться с языка, так и не успели прозвучать — у самого уха раздался презрительный смешок.

Стоило Регенту устроить ему неприятности, как матушка неизменно первой вставала на его защиту.

Особенно запомнился один случай: едва он успел насолить этому человеку, как уже вскоре получил весть о том, что матушка за его спиной унижалась перед Дуань Цзинъанем. От одного только пересказа слуг можно было представить, насколько жалкой выглядела тогда ее поза...

Она инстинктивно скосила глаза вбок: юноша смотрел прямо перед собой, а уголки его губ были сжаты в ровную линию без единого изгиба.

Бай Су: — ??? —

После того как Дуань Чанчуань и Бай Су вошли в комнаты, собравшиеся, каждый со своими тайными мыслями, обменялись дежурными любезностями, и наступил полдень.

В итоге, после того как Бай Су поприветствовала юношу и Вдовствующую императрицу и в ответ на их привычное разрешение подняться услышала лишь сдавленное «хыркание», изданное юношей прямо носом,

она услышала слова сидевшей рядом женщины.

Ленивый и небрежный тон звучал так, будто она препиралась не с нынешним Регентом, а отчитывала непослушного слугу.

Лицо Вдовствующей императрицы слегка изменилось. Стукнув чашкой о стол, она сурово произнесла:

— Какая дерзость! Император и я еще ничего не сказали, с какой стати ты встречаешь в разговор?

Она выглядела совершенно иначе, чем мгновение назад, когда трепетала от страха.

Супруга канцлера Ши Жуянь, уловив момент, тоже подала голос:

— Сусу, нельзя же быть такой бестактной! Почему ты до сих пор не попросила прощения у Вашего Величества и государыни Вдовствующей императрицы?

Действуя сообща, они в одно мгновение перевели стрелки с Регента на Бай Су.

В тот же миг все взгляды сошлись на новой Императрице.

Однако выяснилось, что эта овечья слухами побочная дочь не только ни капли не испугалась, но и невозмутимо налила себе чашку чая.

Узкие глаза бросили небрежный, ленивый взгляд на Ши Жуянь:

— Прошу прощения, но меня этому не учили. К тому же... никто и не учил.

Дуань Чанчуань: — ???

Все остальные присутствующие: — !!!

Хотя все прекрасно знали, что это чистая правда, но... но!

Разве такое можно говорить вслух?!

Дуань Чанчуань вспомнил слова Юнь Се, сказанные им сегодня утром: «Неужели у Императрицы совсем не осталось надежды на жизнь, и она решила пуститься во все тяжкие, поэтому ее характер так круто изменился?»

Сначала он лишь презрительно фыркнул... а теперь поверил, поверил безоговорочно.

Человек, у которого в этом мире остался хоть кто-то дорогой сердцу, никогда бы не позволил себе вести себя столь безумно.

Эм, что же это было за чувство?..

Словно Дуань Чанчуань играл с Регентом в шахматы, в то время как клан Бай втайне передавал друг другу записки под столом.

Шла ожесточенная борьба между тремя сторонами, и тут появилась Бай Су, которая просто перевернула шахматную доску и открыто ткнула носом всех присутствующих в тайные записки, что те прятали под столом.

Зрелище вышло поистине неприглядным.

Но... чертовски приятным!

У Дуань Чанчуаня, чья грудь только что была сдавлена от обиды и злости, разом отлегло от сердца.

Два слова: кайф!

Он сам давным-давно мечтал поступить именно так!

Пока Дуань Чанчуань пребывал в растерянности, семейство Бай уже подняло такой шум, будто в курятник забрел хорек.

Ши Жуянь схватилась за грудь и, тыча в нее платком, завопила:

— Ты! Да ты...!

Канцлер Бай грохнул кулаком по столу так, что у него даже бороды затряслись от гнева:

— Никакого уважения к старшим! Немедленно извинись перед матерью!

Бай Су:

— Извиниться? Разве не она только что дерзко набросилась на Бэньгун, и разве не она должна просить у Бэньгун прощения? Раз уж вы все так печетесь о правилах приличия, то давайте поговорим о них. Канцлер Бай, позвольте спросить, у кого нынче положение выше — у меня или у вашей почтенной супруги? Разве не она раньше больше всех любила рассуждать о старшинстве и младшинстве? Не может же быть такого, что раньше, когда вы были выше, а я ниже, вы требовали от меня соблюдения иерархии, а теперь, когда я выше вас, вы вдруг вспомнили о душевности и родственных узах?

— Ты...! Неблагодарная девчонка!

— Тц, я же сказала: Бэньгун с вами о чувствах не говорит... —

Этот фарс затянулся: Вдовствующая императрица остолбенела от неожиданности, Император тайком наслаждался представлением и долгое время никто из них даже не пытался остановить перепалку.

Дуань Чанчуань невозмутимо попивал чай, бросая косые взгляды на фигуру посреди зала.

Мужчина из-за того самого поверхностного кивка во время приветствия держал голову опущенной так долго, что теперь украдкой разминал затекшую шею.

К тому же в зале разожгли множество жаровен с древесным углем, и температура была довольно высокой. Дуань Цзинъань явился торопливо, не снимая тяжелой меховой доха, и теперь по его вискам ручьями стекал пот.

Дуань Чанчуань замечал, что Регент всякий раз пытался что-то сказать, но стоило ему сделать движение, как его слова тут же тонули в новой волне криков со стороны Бай Су, отчего на душе у молодого Императора становилось еще веселее.

Он даже заподозрил, что Бай Су делает это нарочно — прерывает Регента ровно в те моменты, когда тот собирался заговорить.

Когда канцлер Бай был загнан в угол и окончательно потерял дар речи, а супруга канцлера побелела от злости и оба они лишь тяжело хрипели, Регент тоже притих и растерял весь свой спесивый задор.

Тогда Дуань Чанчуань очистил горло, принял величественный вид и произнес:

— Начинаем пир.

В тот же миг все присутствующие словно гору с плеч сбросили.

Даже неизменно державший нос по-ветру Регент на этот раз не стал с ним препираться, бросил тихое «Благодарю за милость Вашего Величества» и прямым ходом направился к своему столу.

Дуань Чанчуань пребывал в столь приподнятом настроении, что даже ответные тосты придворным давались ему много легче обычного.

Заметив, что чета Бай сидит за столом не в силах проглотить ни кусочка, он намеренно взял кубок и направился к ним, чтобы принудительно поднести вина.

Сначала он еще сохранял подобающую императору сдержанность и произносил вполне благовидные речи.

Например: «У меня сегодня свадьба, и я не могу, подобно обычным людям, соблюсти все предписанные ритуалы, поэтому вынужден выразить свои чувства хотя бы этим кубком вина».

Постепенно он и вовсе перестал утруждать себя отговорками, неся откровенную чушь вроде: «Ум и красота Императрицы — заслуга исключительно канцлера», либо «Раньше мне доводилось видеть лишь младшую дочь господина Бая, и я считал ее несравненной красавицей, но теперь я понял, что истинным сокровищем является старшая дочь семейства Бай». Он произносил вещи, в которые не верил сам, но после каждой фразы неизменно поднимал бокал в сторону Бай Яньюаня.

При этом он каждый раз подчеркивал: «Сегодня я нездоров, и лекари строго-настрого велели мне меньше пить, так что я пригублю лишь чуть-чуть, а господин канцлер пусть пьет на свое усмотрение».

И в завершение обязательно добавлял: «Вина мало, да чувства велики», демонстрируя таким образом свое особое расположение.

Когда разговор зашел столь далеко, Бай Яньюаню ничего не оставалось, кроме как раз за разом осушать свой бокал до дна.

К концу застолья взгляд его окончательно расфокусился.

Они пили вовсю, а Бай Су с беззаботным видом продолжала трапезничать и наблюдать за происходящим.

Видя, что Бай Яньюань соображает всё хуже, а глаза юноши меж тем сияют всё ярче,

она невольно усмехнулась про себя: эта маленькая лисица замышляет какую-то пакость, да так увлеклась, что даже хвост спрятать забыла.

В этот самый момент юноша неожиданно повернул к ней голову.

Его ярко сияющие глаза моргнули, и в них промелькнуло некое подобие растерянности.

— Что такое? — спросила она.

В следующее мгновение чья-то теплая рука крепко обхватила ее запястье, и он произнес:

— Как же ты ешь? Вечно сидишь неудобно.

Бай Су: ?

Это что... опять придирки?

Только она собралась посмотреть, какие еще каверзы затеял этот малыш, как стоящая позади Чанлэ внезапно склонилась к ним.

Наклонившись к самому уху Дуань Чанчуаня, она тихо проговорила:

— Ваше Величество, вы уже выпили три чаши, если выпьете еще, то опьянете. Позвольте рабу убрать чарку.

Юноша тут же выпрямился, строго поджал губы и бросил:

— Убирай.

Затем он прикрыл рукавом колени и замер.

Бай Су посмотрела на сидевшего с безупречной осанкой парня, затем на суетившуюся вокруг посуды Чанлэ...

И, не выдержав одолевавшего ее любопытства, спросила:

— Разве Ваше Величество может выпить за раз не больше трех чаш?

Маленький евнух тут же почтительно отрапортовал:

— Слушаю вашу волю, государыня, это так. Три чаши для Его Величества — в самый раз, а вот четвертая уже лишняя.

Едва эти слова стихли, Бай Су заметила, как залитая желтым шелком фигура рядом с ней вдруг слегка застыла...?

<http://bllate.org/book/21020/2136738>